

Александр Моисеев

Синхрония и диахрония в словообразовании

Studia Rossica Posnaniensia 6, 97-104

1974

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВ

Ленинград

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В истории становления науки о словообразовании в русском языкознании могут быть отмечены три основных этапа: 1) различие первообразных и производных слов (начало у М. В. Ломоносова, более определенно в *Российской грамматике* 1802 г. и у А. Х. Востокова), 2) различие производных и производящих слов (В. А. Богородицкий и другие), 3) различие структуры (морфемного состава) и образования слов, выделение собственно словообразования (Г. О. Винокур и другие, но особенно Н. Д. Арутюнова).

Новая академическая *Грамматика современного русского литературного языка* (Москва 1970) сделала еще один шаг, но этот шаг направлен в сторону от наметившейся уже магистрали, если не вспять: шагом этим является не только отход от традиционных терминов и понятий словообразования, но и отказ от наиболее важного из них — от понятия и термина производности слов. Действительно, как ни важно различие первообразных (непроизводных, корневых) и производных слов (первый этап становления науки о словообразовании), как ни важно различие словообразования и морфемного состава, структуры слов (третий этап), центральным, фундаментальным понятием теории словообразования является все-таки понятие производности слов и различие на этой базе производных слов и их производящих (второй этап).

Новая академическая грамматика отказалась именно от этого, центрального понятия словообразования, поставив на его место так называемую мотивированность слов; соответственно вместо соотношения производных (в широком смысле, включая и сложные) и производящих слов дается соотношение мотивированных и мотивирующих слов. В самой грамматике эта замена никак не обоснована и даже не оговорена, но это было сделано ранее, в проспекте грамматики — в *Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка*:

Термины производность, производящий и производный относятся прежде всего к диахроническому аспекту словообразования; для описания синхронных словообразовательных соотношений более удобны термины мотивирующий и мотивированный ¹.

Итак, производность слов — достояние диахронии языка, а в его синхронном состоянии, т.е. на каком-либо конкретном этапе его развития, например, в современном русском языке, — только мотивированность слов. Чтобы быть последовательным, следовало бы применительно к современному языку отказаться и от самого понятия (и термина) словообразования, иначе получается парадоксальная ситуация — словообразование без образования слов. Но дело не только и даже не столько в терминологической несообразности. Гораздо важнее то, что само понятие синхронии и диахронии в словообразовании получает здесь неверное, искаженное истолкование.

Надо, впрочем, сказать, что такое понимание соотношения синхронии и диахронии в словообразовании характерно не только для новой академической грамматики: еще более последовательно оно проводится, например, К. А. Тимофеевым, а с некоторым своеобразием и Н. М. Шанским.

К. А. Тимофеев исходит из того бесспорного положения, что в основной массе своей слова в каждый данный момент или период (т.е. в синхронии языка) не образуются, а существуют уже в готовом виде и лишь употребляются, воспроизводятся в речи; и что пополнение словарного запаса языка новыми образованиями происходит сравнительно медленно и всякий раз, т.е. в конкретных речевых актах и произведениях, в ничтожно малой, по отношению ко всему уже существующему словарному фонду, доле. Далее рассуждение развивается примерно так: если слова в основном уже образованы раньше, притом в разное время, то их образование, а следовательно, и словообразование в целом почти полностью относится к прошлому, к диахронии языка, в современном же, синхронном состоянии языка можно наблюдать лишь структурно-семантические соотношения между готовыми, образованными словами. Получается, что словообразование только в диахронии языка, а в его синхронии — только структурно-семантические соотношения слов.

Для большей убедительности можно привести некоторые высказывания К. А. Тимофеева в строгих цитатах: „(...) возникновение в языке новых слов представляет явление, относящееся к области истории развития языка (диахронии)”. Словообразовательному анализу „ подлежат все производные слова независимо от того, ощущается ли в данный момент их производность или нет (напр., не только домик, переписка, но и пир, дар, около)”. С точки зрения разграничения синхронии и диахронии требует уточнения понятие производности (...). Производность в синхронном плане „понимается (...) как мотивированность”, производность диахронически „понимается в генетическом

¹ *Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка*, Москва 1966, стр. 57.

плане, т.е. как отношение исторической преемственности между производным и исходным словом". „Производные слова (...) могут быть изучены не только синхронно (с точки зрения состава и связей между родственными словами), но и диахронно, т.е. с точки зрения их появления на определенном этапе развития языка”².

Н. М. Шанский не отрицает синхронного аспекта словообразования, но это, как он говорит, лишь кажущееся словообразование (то, как слово „осознается образованным”), действительное же образование слов относится к прошлому или находится в прошлом языке. Смотрите, к примеру, следующие формулировки автора:

Производящая (или образующая) основа не всегда будет (...) действительно производящей (...) Производящая основа может быть как основой (...), от которой та или иная производная действительно образована, так и основой, от которой данная лишь осознается образованной³.

Получается, что нам только кажется, что то или иное слово образовано так-то и так-то, на самом деле оно (не обязательно, но очень часто) образовано совсем иначе. Например, пишет автор в другом месте, слова *крохотный*, *звездочка*, *мохнатый*, *осознаются*, представляются образованными на базе слов *кроха*, *звезда*, *мох* с помощью суффиксов *-отн(ый)*, *-очк(а)*, *-нат(ый)*, а „на самом деле [они] образованы от слов *звездка* — ‘звездочка’, *крохоть* — ‘крошка, крупица’, *мохна* — ‘пучок шерсти, кисть, косма’ с помощью суффиксов *-н(ый)*, *-к(а)*, *-ат(ый)*”⁴. Действительное образование слов изучается этимологией, а предметом словообразования является только представляемое, осознаваемое (кажущееся).

Вопрос о синхронии и диахронии в словообразовании рассматривался и многими другими авторами, у нас и в других странах, в частности, польскими учеными⁵. Единства мнений пока не достигнуто: разграничение синхронии и диахронии в словообразовании одним представляется необходимым, другим — нецелесообразным и даже невозможным: „словообразование нельзя синхронизировать”⁶. Вот в этих условиях и на этом фоне авторы раздела „Сло-

² К. А. Тимофеев, *Об основных понятиях словообразования*, „Русский язык в школе” 1971, № 3, стр. 34, 36, 30.

³ Н. М. Шанский, *Очерки по русскому словообразованию*. Автореферат докторской диссертации, Москва 1966, стр. 10. См. еще: „учет соотношений” производного слова с самым близким его „родственником”, на базе которого оно нам кажется в настоящее время образованным (там же, стр. 9).

⁴ Н. М. Шанский, *Очерки по русскому словообразованию и лексикологии*, Москва 1954, стр. 15.

⁵ Обзор дискуссии по этому вопросу в среде польских лингвистов дан в статье З. М. Волоцкой, *К проблеме синхронного словообразования*. В кн.: *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии*, Москва 1966, стр. 231 - 236.

⁶ В обзоре З. М. Волоцкой, стр. 233.

вообразование” в новой академической грамматике современного русского языка решили вообще отказаться от понятия производности слов в синхронном плане, заменив его понятием мотивированности.

Как к этому следует отнестись?

Основным пунктом здесь является вопрос об отношении словообразования к синхронии и диахронии. Действительно ли словообразование принадлежит только диахронии, а в синхронии языка ему нет места, действительно ли „словообразование нельзя синхронизировать”?

Думается, что это не так: словообразование не более других сторон языка сопротивляется синхроническому и диахроническому истолкованию его явлений, и в словообразовании, иначе говоря, можно различать синхронию и диахронию, как это делается применительно ко всем другим сторонам и уровням языковой системы.

Теперь, перед тем как привести дальнейшие соображения по обсуждаемому вопросу, надо определить основные его явления и понятия: 1) словообразование и 2) синхрония и диахрония.

1. Словообразование как языковое явление — это образование слов; Словообразование как раздел языкознания (дериватология) — это наука об образовании слов. Но слова, пока существует язык, образуются всегда: образовывались в прошлом, образуются теперь и будут образовываться в будущем. Что же изучает словообразование — как слова образованы, как они образуются или как они могут быть образованы:

Все три возможности (альтернативы) разом, кажется, еще не сопоставлялись и не обсуждались, а о двух крайних есть прямые высказывания. Акад. Л. В. Щерба писал о них так:

Одним из основных разделов грамматики являются, по-моему, правила словообразования, т.е. вопрос о том, как можно делать новые слова. Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, — дело словаря⁷.

Такое понимание словообразования представляется неприемлемым: в этом случае словообразование было бы лишь прогнозирующим учением, но оно, словообразование, как любой другой раздел языкознания, должно заниматься реальными, а не предполагаемыми лишь явлениями языка.

Средняя позиция — как слова образуются — также должна быть снята в пользу первой — как слова образованы, — так как для каждого данного момента (периода) слова языка уже образованы, а кроме того быть „свидетелем и очевидцем” образования слов вообще удается очень редко.

2. Строгое соотношение синхронии и диахронии в языке, видимо, таково: синхрония — это система языка в каждый данный период (!) его исторического бытия, диахрония — становление этой системы на предшествующих этапах раз-

⁷ Л. В. Щерба, *Очередные проблемы языковедения*. В кн.: *Избранные работы по языкознанию и фонетике*, т. I, Ленинград 1958, стр. 17.

вития языка; диахрония, таким образом, не что иное, как бесконечная (пока существует данный язык) смена синхронных состояний языковой системы, то более то менее завершенных и устойчивых.

Есть и другое определение синхронии и диахронии, в частности, и применительно к словообразованию: диахрония — процессы, движение в языке, синхрония — языковой покой, языковые состояния. А так как образование чего бы то ни было, в том числе и образование слов — это всегда определенный процесс, то оно поэтому принадлежит только диахронии, поэтому оно и „не синхронизируется”. Но в известном смысле для языка в целом характерно только движение, так как он постоянно изменяется и развивается. Получается, что языку свойственна только диахрония, то язык в целом „не синхронизируется”. Но известно, что в языке могут быть выделены периоды относительного покоя, состояния, когда происходящие в нем изменения оказываются изменениями в пределах сохраняющегося качества, например, состояние современного русского языка. Диахрония, таким образом, не всякое движение, а лишь движение, приводящее к смене качественного состояния языка.

Есть, наконец, и еще одно понимание синхронии и диахронии, несколько упрощенное и даже „сдвинутое”: синхрония — современное состояние языка, диахрония — все предшествующие его состояния. Практически чаще используется такое именно понимание рассматриваемых явлений.

Итак, словообразование изучает то, как образованы имеющиеся в языке слова; синхрония — современное состояние языка, диахрония — его предшествующие состояния.

Приняв такое понимание словообразования, а также синхронии и диахронии, можно, возвращаясь к прерванному рассуждению о синхронии и диахронии в словообразовании, сказать, что слова, обнаруживаемые в речевых произведениях, в абсолютно подавляющей своей части перед тем, как быть употребленными в речи, имелись уже в языке в готовом виде, т.е. были образованы в прошлом, в диахронии языка, причем образованы были одновременно. Но, как известно, слова образуются на базе уже имеющихся в языке слов и с помощью уже имеющихся в языке словообразовательных средств. По существующим (но конечно, развивающимся) словообразовательным моделям или образцам. Поэтому характер образования слов (словообразовательная база, средства, способы и т.п.) отражаются в структурно-семантическом соотношении вновь образованных слов и их производящих, ранее существовавших в языке, отражается, говоря теперь обобщенно, в структурно-семантическом соотношении имеющихся в языке слов в целом. По этим соотношениям, и только по ним (так как никаких других свидетельств образования слов по существу нет), и можно судить о характере (способах и т.д.) образования слов.

Но, далее, это соотношение, как все в языке, исторически изменяются: изменяется структурно-семантическое, значит словообразовательное соот-

ношение слов языка, а вместе с тем изменяется и восприятие, понимание носителями языка образования тех или иных конкретных слов. Это и есть смена одного синхронного состояния словообразования другим или, в соответствии с рассмотренным ранее несколько сдвинутом понимании самой диахронии, — смена диахронии синхронией в словообразовании, переход из диахронии в синхронию.

И когда говорят, что современные, синхронные словообразовательные связи слов могут резко отличаться от их „действительного” образования в прошлом (см. примеры Н. М. Шанского), и что современное, синхронное словообразование — это лишь кажущееся, а не действительное образование слов, то при этом упускают из виду, что таково обычное соотношение синхронных и диахронных явлений языка вообще: современное — синхронное состояние языка (в целом и в его отдельных участках или сторонах) отличается от его состояния в прошлом, в диахронии; не будь этого, не было бы и смысла различать прошлое и настоящее, диахронию и синхронию (не быть же этого не может, так как язык непрерывно изменяется).

Это может быть проиллюстрировано едва ли не любым элементом современной системы русского языка: (1) современные деепричастия, а также прилагательные типа *висячий*, *сыпучий*, *горючий* и спрягаемые глагольные формы на *-л* в прошлом были причастиями, (2) современный инфинитив в одной своей части продолжает старый супин, а в целом вышел из падежных форм глагольного имени, (3) форма *глаза* в современном языке является формой множественного числа, а словоформа *стола* в словосочетании *два стола* — формой род. п. ед. ч., а в прошлом это были формы двойственного числа, (4) согласные *ж*, *ш*, *ц* в современном языке твердые звуки, а когда-то они были мягкими, и т.д., и т.д. И подобно тому, как синхронное словообразовательное соотношение некоторые авторы называют лишь кажущимся, а не действительным словообразованием, можно было бы говорить и о только что приведенных явлениях, что они только кажущиеся, а не действительные: нам только кажется, что звуки *ж*, *ш*, *ц* твердые, а на самом деле они мягкие; нам только кажется, что инфинитив — это глагол, в действительности же это имя и т.д. Ясно, что это „кажущееся” и есть действительная реальность современного состояния языка, хотя оно и отличается (и может как угодно резко отличаться) от реальности его прошлых состояний. В этом сама суть синхронии языка в отличие от его диахронии.

И пусть современное понимание образования слова *звездочка* (от существительного *звезда* с помощью суффикса *-очк-а*) отличается от его образования в прошлом (на базе не существующего теперь слова *звездка* с помощью суффикса *-к-а*), пусть современное восприятие образования существительного *печник* (*печ-ник*) отличается от его понимания в прошлом (*печн-ик*), теперь все это существует в языке так, как отражается в современных соотношениях элементов языковой системы и как воспринимается носителями современного языка.

Можно, следовательно, и применительно к современному языку уверенно и „во весь голос” говорить о производности слов, о соотношении производных слов с их производящими и т.п., и нет нужды бежать от этого под защиту мотивированности, а вместе с этим нет, следовательно, и нужды отказываться от синхронического словообразования.

Чтобы такое понимание синхронического словообразования ввести в русло большой научной традиции, можно сослаться на некоторые высказывания акад. Л. В. Щербы, который обсуждая вопросы словообразования, писал:

(...) могут быть случаи, когда то или другое слово может забываться и делаться как бы вновь. Писальщик, читальщик, ковыряльщик никогда не входили и не входят еще в словарь, но могут быть всегда сделаны и правильно поняты; подавльщик, подавльщица — слова сделанные, но могут создаваться и вновь; носильщик, писатель — слова, безусловно, вошедшие в словарь, но еще вполне живые в своем составе и могли бы быть сделаны: метельщик — слово, давно сделанное, наново сделано быть не может, но в составе своем понятно (хотя исторически, вероятно, от метла, а не от мести); слова свинец, огурец и т.п. в составе своем уже плохо понятны и раскрываются только при исследовательском подходе (с. 17).

Итак, по Щербе, слова, имеющиеся в языке, уже сделаны, образованы, но многие из них могли бы быть сделаны, образованы вновь. Синхронное словообразование, дериватология как раз и занимается тем, что определяет, как существующие уже в языке слова могли бы быть образованы вновь, с полным правом понимая это как действительное (в синхронном состоянии языка) образование их. Очень метко суть этого явления выражена в Автореферате В. Г. Головина: „При синхронном словообразовании анализируемые слова должны считаться как только что образованные”⁸.

И самое главное: синхронное словообразование при таком его понимании является реальным, действительным словообразованием, а вовсе не кажущимся только, подобно тому, как реально и действительно все существующее в синхронии языка. Так, например, в современном русском языке слова *велосипед*, *барабанищик*, *технический*, *драматический* действительно являются или, что то же самое, ведут себя в системе синхронного состояния языка как образованные от слов *велосипед*, *барабан*, *техника*, *драма*, хотя, как показывают исторические исследования, слово *велосипедист*, как и слово *велосипед*, было заимствовано из французского языка⁹; слово *барабанищик* было результатом преобразования тюркского слова *барабанчи*¹⁰, а слова *технический* и *драматический* появились в русском языке гораздо раньше слов *техника* и *драма*¹¹.

⁸ В. Г. Головин, *Очерк деривации имен прилагательных современного русского языка*, Самарканд 1971, стр. II. Автор, однако, еще не полностью верит синхронному словообразованию, противопоставляя „структуру слов с точки зрения современного языкового сознания” и „действительную структуру слов” (там же).

⁹ И. Гальди, *Слова романского происхождения в русском языке*, Москва 1968.

¹⁰ Журнал „Русский язык в школе” 1971, № 5, стр. 127.

¹¹ Р. А. Будагов, *История слов в истории общества*, Москва 1971, стр. 220, 102.

Чтобы избежать недоразумений, в заключение надо хотя бы кратко сказать о мотивированности слов самой по себе, вне всякой связи с обсуждаемым вопросом.

Все ранее изложенное не означает, что понятие и термин мотивированность слов, а также другие сопряженные с ними понятия и термины бесполезны и не нужны. Напротив, в теории словообразования, синхронического и диахронического, им принадлежит очень важное место: мотивированность — это основной семантический показатель производности слов и база формирования значения вновь образуемого слова¹². Но без связи с производностью слов их мотивированность попросту повисает в воздухе. Каждое из этих понятий (и терминов) важно на своем месте, и нет оснований одно из них подменять другим.

ABOUT THE THEORY OF WORD-FORMATION

by

ALEXANDER MOYSEEV

Summary

It is widely believed that it is impossible to define word-formation both synchronically and diachronically and in this respect it is different from other parts of the language (corresponding to other language divisions) and that it can only be defined diachronically. After studying these questions, the author came to the conclusion that the stages in the formation of a word lend themselves to synchronic as well as diachronic analysis no less than other parts of the language and thus, the diachronic / synchronic method of analysis that is used for all other parts and standards of language can be equally well applied to the study of word-formation.

¹² А. И. Моисеев, *Мотивированность слов*, „Ученые записки Ленинградского государственного университета” 1963, № 322, вып. 68.